

12.99

ВИНОВНИК ТОРЖЕСТВА

Заметная фигура

Экран и сцена. — 1999 — Дек. (№ 51). — с. 16
Александр ИНЯХИН

Виторган Эммануил Гедеонович

В Театре имени Вл. Маяковского в почти уже истекшем календарном году открыт и благополучно продолжается ко всеобщему удовольствию сезон охоты на юбиляров. Дошла очередь и до Виторгана.

Правда, будучи истинным рыцарем, Эммануил Гедеонович сначала пропустил вперед по меньшей мере трех женщин, включая собственную жену. Но доброжелатели не дремлют.

По документам судя, народному артисту России Э. Виторгану исполняется шестьдесят. Даже если это правда, то далеко не вся. В том смысле, что рубежи и границы лишь повод для очередных промежуточных итогов, которые любят подводить именно те, о существовании которых настоящие артисты предпочитают не думать.

Эммануил Гедеонович фигура на сцене и экране заметная. И не только потому, что если по роли требуется выкраситься, к примеру, в апельсиновый цвет — он безропотно может это сделать и ходить по столице нашей родины, не смущаясь всеобщим вниманием (пусть это было давно, но все-таки было!).

Легко и охотно артист размышляет на разные житейские и творческие темы вслух. Причем, суждения его самостоятельны и не эпатажны, что тоже приятно.

Актерская жизнь устойчива и внешне спокойна. Сыграно много, сыграно интересно. Последние полтора десятка лет связаны со сценой Театра имени Вл. Маяковского, куда Алла Балтер и Эммануил Виторган пришли в 1984 году.

До того был Ленинград, были вполне плодотворные сезоны в Московском драматическом театре имени К. С. Станиславского, где сыграны не просто заметные, а почти судьбоносные роли. Во всяком случае, знаменитый период "Первого варианта" "Вассы Железновой" и "Взрослой дочери молодого человека" — в активе этого актерского дуэта.

Главная тема творчества сформировалась как-то сразу и почти сама собой.

Файл в "Продавце дождя" Р. Нэша — не человек, а хрустальная мечта юной женщины. Беркутов в "Волках и овцах" — сладчайшая мечта балзаковской женщины. Кристиан в "Сирано де Бержера-

ке" — ускользящая мечта и трагическая жертва женского стремления к идеалу в любви. Наконец, один из трех героев "Взрослой дочери молодого человека" Б. Славкина, этого умопомрачительного шлягера самого переломного времени, тоже несет, пусть видоизмененную и скрытую, но тему если не мечты, то соблазна.

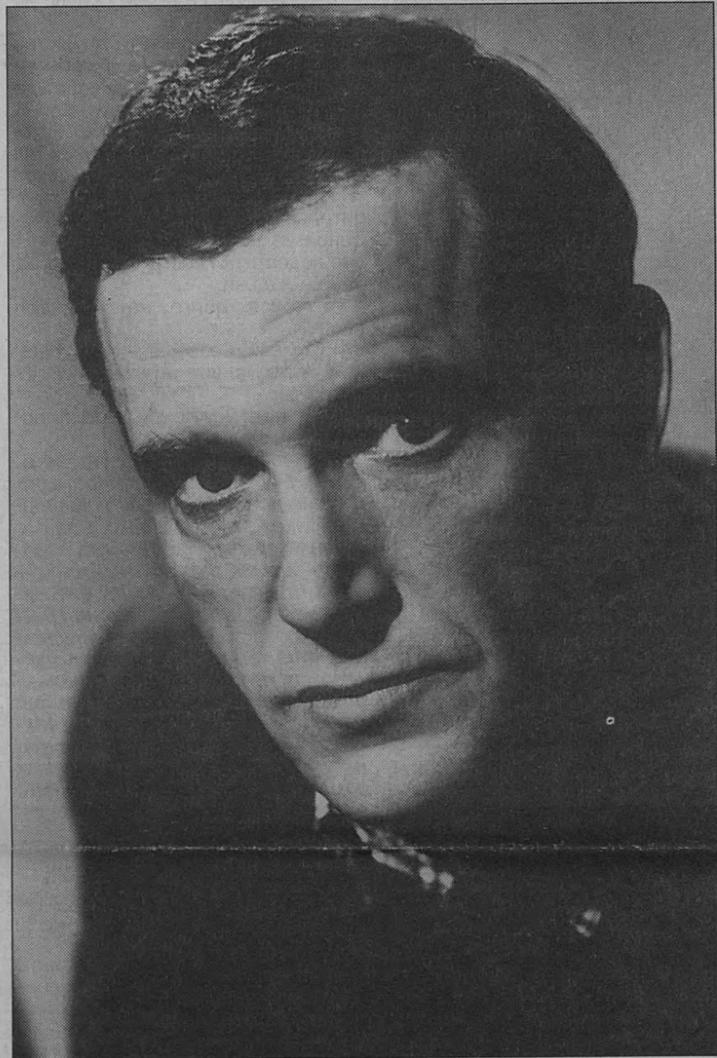
На "Маяковском" этапе творческой судьбы тема опять-таки не забыта. Шутка ли: сыграть триумвиратора Антония, пусть в новейшем переложении истории великой страсти римского воина и египетской царицы (а какая ответственность играть "про это" с собственной женой!).

Еще раньше был замечательно сыгран Лев в володинской "Блондинке", тоже "выдуманный мужчина", то есть мечта, человек, вынужденный терпеть навязчивую любовь, напуганный своей исторической ролью" и не понимающий, какое счастье на него свалилось.

Другая легенда, флотоводец лорд Нельсон — в равной степени герой исторического процесса и идеал любовной страсти, тоже вынужденный вести двойную жизнь. Причем, чувство его к Эмме Гамильтон, столь же искреннее, как у героини Натальи Гундаревой, но по природе иное — сдержанно-созерцательное.

Даже Барон из "Горбуна" Сл. Мрожека в известной степени певец любви, певец своей печали. Но он уже куда больше страдает от склонности к конформизму, как всякий гнилой интеллигент, которого угораздило жить в эпоху исторических переломов. Увлечись игрой парадоксами и любуйся собственной иронией, Барон становится тенью самого себя.

Так возникла новая тема: человек, готовый к компромиссу, стремящийся в этой жизни "не быть".

Но не как отягощенный мировыми проблемами шекспировский герой, для которого главное — чувство ответственности за мир в своей душе и мир как таковой, его прошлое и будущее. Горьковский Клим Самгин время, в котором живет, вроде бы отражает. Но именно старается "не быть" — по органической, даже подсознательной гнилой трусости. У него всегда виноваты другие.

Интересно, как бы Эммануил Виторган сыграл шекспировского Клавдия, который так или иначе страсть вызывает все-таки должен. Какие бы на сей раз открылись мощные и парадоксальные противоречия!

Ужас природы Бенциона Крика из бабелевского "Заката" в том, что он, как брехтовский Мекки Нож, не ведает противоречий. Ну, нету у Бени этой железки, из которой сочилась бы хотя бы скупая мужская слеза. Его вполне одесское, слегка вульгарное изящество страшит. Он сам себе безотцовщина. Назначил себя в короли Молдованки — и живет один, имея всех в виду, упиваясь своим черствым прагматизмом.

Прагматики Виторгана — это отдельная тема. Заметнее всего она выразилась в нескольких телеработах, где, по преимуществу в криминальных сериалах, герой Эммануила Гедеоновича с завидным шиком интриговали и проигрывали.

Артист умеет и любит (любит и умеет) играть салон, чутко улавливает природу сценической стилизации, будь то квази-шекспировский "до-рассказ" Григория Горина "Чума на оба ваши дома" (Капулетти) или комедия С. Моэма "Круг" (Портес). Эти герои — люди с имиджем, но, пожалуй, это все, что у них есть.

И все-таки значительно дороже, наверное, те работы артиста, где он находит противоречивую и трагическую идею, где характер выражен автором парадоксально, за что каждый артист всегда благодарен судьбе.

"В баре токийского отеля" Теннесси Уильямса — пример тихого, то есть, по нынешней терминологии, не раскрытого спектакля (режиссер А. Шапиро). Здесь с упорством обреченных туберкулезников артисты Ольга Яковлева и Эммануил Виторган творят чудеса, сосредоточенно анализируя причины и природу трагических сломов творческого сознания.

Занятие это тяжелое — глубины в пьесе отверзаются ужасающие, но оба характера упрямо и целеустремленно движутся к постижению того, что во все времена именовалось творческим кризисом, и из чего в драме Уильямса выхода нет.

Два человека, нерасторжимые по природе и судьбе, терзают друг друга попытками взаимного освобождения.

Марк, герой Э. Виторгана, что

называется, ждет сигнала: того звонка, толчка, хотя бы "звука лопнувшей струны", за которым вот-вот откроется в предельной очевидности тайна новой творческой идеи, счастливое сознание воплотимости того, что мучительно сокрыто от заплывшего мутью реальности внутреннего зрения.

Пока Марка не трогают, он мучается ожиданием счастья прорыва, ведомым только художнику. В этих терзаниях есть свое блаженство. Как только его выпихивают в реальность, так сразу ужас беспомощности концентрируется в мысли о самоубийстве и мысль эта становится материальной силой.

Подобные этапы творческого буйства виртуозны в исполнении Виторгана. Только художнику ведомо эта тоска по одиночеству, дающая выход за пределы реальности, где творец и может быть свободен, то есть одинок.

Роль банковского служащего Кротстада в новой версии ибсеновского "Кукольного дома", осуществленной недавно Л. Хейфецем, — это анализ трагического сознания человека, которому не дано стать художником. То есть, не дано самой жажды познавать новое. Самое страшное, что герою Виторгана это даже неведомо. Судьба Кротстада — трагедия ограниченности. Тем более, что эта ограниченность агрессивна.

Артист невероятно беспощаден к персонажу, как и к самому себе, впрочем, тоже: всегда представительный, ироничный, импозантный, Эммануил Виторган в роли Кротстада старается стать существом бесцветным, почти невидимым. Узнав давящую тайну чужой семьи — семьи начальника — Кротстад испытывает от мерзкого головокружения от успехов, которое придает ему силу почти мистическую.

В атмосфере спектакля — внебытовой, по-скандинавски холодной — Кротстад-Виторган превращается в носителя идеи возмездия, парадоксально, не имея на это права. Более того, само возмездие — так трактует пьесу режиссер — давно поселилось в доме Хельмеров.

Ложь, пронизывающая эту жизнь, накопилась в ней до последней критической точки задолго до начала сценического действия.

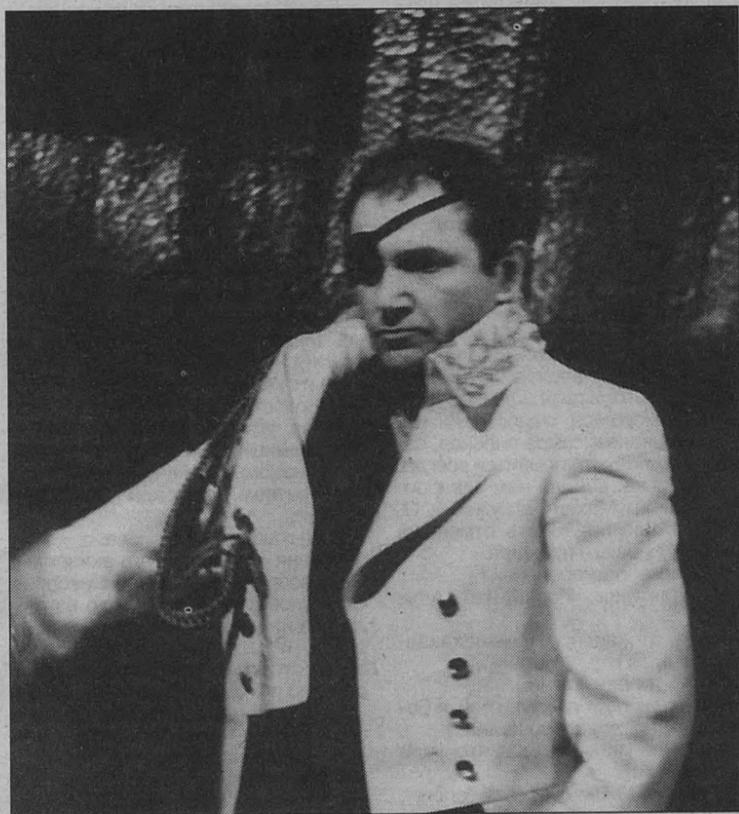
Нора — Евгения Симонова давно живет путающей мечтой о саморазоблачении. Ей стыдно жить и нечего бояться: она знает все.

"Трагедия" Кротстада в том, что ему уже нечего разрушать. Однако очевидно и другое: он, маленький чиновник, вкушивший больших тайн, познал сладость власти над чужими судьбами, даже если это иллюзии. Так человек амбициозный, получивший нечаянную возможность утолить свое болезненное самолюбие, чиновник низшего звена почувствовал себя вершителем истории...

Такой Кротстад — добровольный крест для уставшей надеяться Кристины — Аллы Балтер, которая, со своей стороны, сознательно бросилась в эту "игру теней", где самоутверждение — лишь форма самобмана.

В блистательном ансамбле спектакля Кротстад — Эммануил Виторган в силу обстоятельств неожиданно солирует. Похоже, это стало большой новостью для самого артиста. И хочется в дни юбилея пожелать Эммануилу Гедеоновичу побольше таких нечаянных радостей, тем более, что возможностей у замечательного артиста огромное множество.

● Эммануил Виторган
● Адмирал Нельсон («Виктория»)
Фото Т. КИСЧУК

Главный редактор А. А. АВДЕЕНКО

Газета сверстана в компьютерном центре "Экрана и сцены", тел. 229-70-65, e-mail: scrstage@mtu-net.ru.

Отпечатано в типографии ПО "Пресса-1", 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. "Правды", 24. Индекс 50182. Тип. № 17217

Адрес редакции: 103877, Москва, М. Гнездииковский пер., 7. Факс: (095) 229-70-65. Телефон секретариата: 229-70-65.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. "Экран и сцена" выходит по четвергам. Газета зарегистрирована в Министерстве печати и информации

Российской Федерации 25 сентября 1991 года. Регистрационный № 1144

Учредитель: журналистский коллектив. Цена свободная. Подписано в печать 22.12.99 г. в 14.00. Тираж 10 000 экз.